

После того как Цзянь Миншаня перевели в изолятор временного содержания суда Западного Цзюлуна, работа полиции официально подошла к концу. Группа А Отдела по расследованию особо тяжких преступлений округа Западный Цзюлун закрыла производство по делу.

Сотрудники других отделов буквально зеленели от зависти.

— Одним махом повязали дельца и закрыли сразу три дела... Туди-гун явно благоволил Группе А.

— Да при чем тут Бог Земли? Просто Группа А не поскупилась и обзавелась личным Богом богатства.

— Минимальные вложения — максимальная отдача, а?

— Эх... когда же Цзянь Жочэнь уже рассорится с сэром Гуанем?

Коллеги предвкушающе потирали руки:

— Если они разбегутся, у нас наконец появится шанс заполучить этого консультанта. Идемте, разведаем обстановку.

Кабинет Группы А.

Гуань Инцзюнь стоял у окна, докуривая вторую за сегодня сигарету. Его взгляд смягчился, а в чертах лица впервые за долгое время проступила расслабленность.

— Дело закрыто. Вы все отлично потрудились. Ужин за мой счет.

Чжан Синцзун, до этого пластом лежавший на раскладушке, мгновенно подскочил:

— Ужин? Кормить будут? Ура!

Лю Сычжэн добавил:

— Сэр Гуань, не забудьте позвать консультанта Цзяня. Если бы не он, мы бы еще неизвестно сколько возились с этим делом.

— Это точно, — поддакнул Дин Гао. — И бомбу обезвредить, и допрос провести, и показатели нам поднять... А логика какая железная!

Он даже поежился от собственных мыслей:

— Где еще найдешь второго такого специалиста?

Би Ваньвань, засунув одну руку в карман, неопределенно поманила пальцами в воздухе:

— Вот поэтому сэру Гуаню нужно держать его в своих руках как можно крепче.

Разговор принимал всё более двусмысленный оборот. Чжан Синцзун поспешно выступил вперед, растопырив руки и оттесняя разошедшихся коллег.

— Сэр Гуань и так собирался пригласить Жочэня! Верно ведь, сэр Гуань?

В голове Гуань Инцзюня всё еще набатом звучала фраза о том, что юношу нужно держать крепче. Он вдруг вспомнил, как тот, накрытый его курткой, прижимался к нему. Рассыпанные по плечам волосы, хрупкая фигура, которую можно было обхватить одной ладонью...

Инспектор резко оборвал поток образов. Ему стало не по себе: по телу словно поползли раскаленные муравьи, а в самой глубине души шевельнулось странное беспокойство.

«О чем я вообще думаю?»

Гуань Инцзюнь жестом выпроводил подчиненных:

— Всё, свободны. Всем отдыхать. В пять вечера встречаемся у входа в «Чэнь Хэтан».

Сотрудники Группы А гурьбой вывалились из кабинета, едва не сбив с ног оперативников из Группы С, которые увлеченно подслушивали у дверей. Две компании замерли, глядя друг на друга.

— Эх! — разочарованно вздохнули ребята из соседнего отдела. — Всё еще не рассорились. Какая скука.

Они разом поднялись и удалились восвояси. Гуань Инцзюня же кольнуло чувство тревоги. Он вспомнил то утро, когда юноша, разбуженный звонком, едва не назвал его по званию.

Инспектор взял пейджер и, тщательно подбирая слова, отправил сообщение:

[В полпятого вечера банкет Группы А. Заехать за тобой?]

В это время Цзянь Жочэнь, весь в мыльной пене, нежился в ванне. Когда пейджер на краю кафеля внезапно завибрировал, юноша вздрогнул так, что пена на его макушке опасно накренилась. Он недоуменно взял устройство.

«И зачем в конце этот вопрос? Чистая формальность»

Адреса в сообщении не было, а значит, выбора ему не оставляли. Жочэнь набрал ответ:

[Хорошо. Заезжай, если хочешь]

В половине пятого белая «Тойота» замерла у ворот виллы в «Лицзинь Интернэшнл Гарден». Жочэнь скользнул на пассажирское сиденье и, пристегивая ремень, сразу предупредил:

— Сэр Гуань, до двадцать второго января в управлении я не появлюсь.

Пальцы инспектора на руле заметно сжались. По обращению не скажешь, что юноша злится, но результат налицо — он явно собирался «сбежать». В салоне отчетливо запахло свежим помело. Гуань Инцзюнь помедлил и как бы невзначай спросил:

— Почему? Что-то случилось?

— Скоро семестр начинается, а перед ним — экзамен по переводу на другой факультет, — Жочэнь вздохнул. — Специальность учителя Ли относится к соцнаукам. Из-за всей этой суеты я еще даже не успел выучить все гуманитарные материалы Университета Сянгана.

— Хорошо, — Инспектор заметно расслабился. — Тогда вернемся к делам после двадцать второго.

Дороги в этот час были свободны, и они без помех докатили до гранд-отеля «Чэнь Хэтан». Едва выйдя из машины, они увидели коллег, которые оживленно переговаривались у входа.

Би Ваньвань сегодня преобразилась: на ней было красное трикотажное платье в пол и помада того же оттенка. Поверх она набросила черное кашемировое пальто, а каскад кудрей

рассыпался по пояснице. Тщательно продуманный образ превратил волевою сотрудницу полиции в томную красавицу с рекламных плакатов девяностых.

Чжан Синцзун и Лю Сычжэн тоже сменили форму на гражданскую одежду. Группа красивых и уверенных в себе людей невольно заставляла прохожих оборачиваться. Когда к ним подошли Цзянь Жочэнь и Гуань Инцзюнь, даже яркие огни отеля словно потускнели на их фоне.

Лю Сычжэн покосился на начальника:

— Сэр Гуань, ну что вы такой ледяной? Раскрыли громкое дело, улыбнитесь хоть раз!

Сказал — и сердце у него екнуло. С появлением Жочэня характер инспектора заметно смягчился, и все как-то позабыли о его былой суровости.

«Пропал я... Сэр Гуань сейчас за такие шуточки голову снимет»

Инспектор промолчал. Вместо него улыбнулся Жочэнь:

— Так это же для солидности. Сразу видно — способный руководитель, и команда у него наверняка состоит из героев.

Все дружно рассмеялись. В воздухе словно разлилась патока. Удивительно, как этот юноша ухитрился одной фразой разрядить обстановку и при этом похвалить каждого. Гуань Инцзюнь мельком глянул на макушку собеседника и едва заметно поджал губы. Этот язык... он ко всем относится с одинаковой, безупречной добротой. Никаких различий.

— Все в сборе? Тогда идем. Зал двести пятнадцать. Заказывайте всё, что захотите.

Жочэнь шел в хвосте группы, с любопытством озираясь по сторонам. Желтые обои с тисненым узором, старинные бра на стенах — всё вокруг напоминало кадры из старого кино. Даже деревянное меню в кожаном переплете казалось ему реликвией из другого мира.

За столом потекла непринужденная беседа, тосты сменяли друг друга. Спустя час веселья Сун Сюйъи, покрасневшийся от выпитого, поднялся с места. Наполнив бокал, он обратился к Жочэню:

— Раньше я... я судил по одежке. Презирал тебя, не верил, что ты справишься, сомневался, что ты сможешь обезвредить ту бомбу. Я... я был неправ.

Его шея залилась пунцовым цветом, он стал похож на вареного краба.

— Мои слова были неуместны. Прошу, прими этот бокал в знак моего извинения.

Сюйъи одним махом осушил чарку крепкого алкоголя. Жочэнь уже потянулся к бутылке, чтобы ответить на тост, но его руку накрыла ладонь Гуань Инцзюня. Инспектор поднялся. Его черная футболка плотно облегла торс, край чуть задрался, открывая взгляду мощный кожаный ремень. Он подошел к Сун Сюйъи и положил руку ему на плечо.

— Не кори себя так. Просто впредь не будь таким упрямым, сосредоточься на деле.

Сюйъи опустил голову, не зная, что ответить. В бутылке на столе оставалось еще немного водки; Гуань Инцзюнь взял её и выпил до дна.

— Цзянь Жочэнь еще молод, ему много нельзя, — глухо произнес он. — Я выпью за него.

Сун Сюйъи окончательно смутился, осознав, что его публичное извинение невольно выглядело как принуждение к выпивке.

— Я не это имел в виду, я...

Он замялся, атмосфера стала натянутой. Жочэнь убрал руку от бутылки и наполнил свой стакан соком.

— Брат Сун, я отвечу соком. Я знаю, что ты не со зла.

Сюйъи поспешно закивал, принимая предложенный выход. Оцепенение за столом мгновенно сменилось прежним весельем. Ужин затянулся на добрых три часа. Когда они вышли из отеля, походка у многих стала заметно нетвердой.

Гуань Инцзюнь, сохранивший ясную голову, привычно отдавал распоряжения:

— Чжан Синцзун, Дин Гао, проводите Би Ваньвань. Убедитесь, что она вошла в дом. Остальные — по двое в такси. Расходы я возмещу.

Ночной ветер ерошил волосы, навевая сонливость. В этот миг в головах полицейских не было ни убийств, ни подонков — только мечты о родной постели. Проводив взглядом подчиненных, инспектор повернулся к Жочэню:

— А ты как? Поедешь со мной или вызовешь управляющего?

Жочэнь замер.

«Ехать? На чем? На "Тойоте"?»

Он посмотрел в чуть затуманенные глаза собеседника и осторожно спросил:

— А ты где живешь?

Инспектор отвел взгляд и промолчал. Жочэнь невольно восхитился. Неужели это та самая бдительность бывшего агента под прикрытием? Вид этого непоколебимого мужчины, который сейчас старательно избегал его взгляда, только раззадорил любопытство юноши.

Он на мгновение задумался и предложил:

— А давай я сначала провожу тебя, а потом сам доберусь до дома?

Гуань Инцзюнь хрипло рассмеялся:

— Решил выведать мой адрес?

— Я просто беспокоюсь о твоём состоянии. Какая же это разведка?

— Ну-ну... — Инспектор нутром чуял, что за душой у этого парня немало секретов. Чем дольше они общались, тем больше возникало вопросов. — Ладно, провожай. Я живу совсем рядом с тобой — второй коттедж в «Лицзинь Интернэшнл Гарден».

— Ты живешь в том же поселке?!

Жочэнь махнул рукой, останавливая машину. Когда перед ними затормозило красное такси, Гуань Инцзюнь всё еще вполне твердой походкой подошел к двери и распахнул её.

— Прощу, консультант Цзянь.

Едва Жочэнь скользнул внутрь, в нос ударил тяжелый запах дешевого парфюма вперемешку с чем-то гнилостным. У него сразу закружилась голова. Если инспектор это почувствует... его чуткий нос просто не выдержит такой пытки.

— Шеф, простите, я передумал, — негромко сказал Жочэнь. — У меня тут дело появилось.

В зеркале заднего вида промелькнул взгляд водителя.

— Вы... вы что, брезгуете?.. От меня... пахнет плохо? — заикаясь, спросил тот.

Гуань Инцзюнь, не слыша разговора, быстро сел рядом. Стоило ему коснуться сиденья, как он трижды оглушительно чихнул. Жочэнь виновато посмотрел на водителя:

— У моего друга аллергия на сильные запахи. Это не ваша вина.

Таксист промолчал. Инспектор нахмурился, принюхиваясь, и вдруг резко обернулся, глядя на багажник. В салоне было темно, и Жочэнь не мог разобрать выражения его лица.

— Сменим машину? — прошептал он.

— Нет, — Гуань Инцзюнь откашлялся и веско бросил водителю: — В Западный Цзюлун, на табачную фабрику «Байлин».

Жочэнь опешил.

«Не едем домой? Какой нормальный инспектор живет на табачной фабрике?»

Гуань Инцзюнь слегка коснулся бедром ноги юноши и едва слышно прошептал:

— Сигареты дома кончились, нужно купить.

Он нащупал ладонь Жочэня, лежащую на сиденье, перевернул её и быстро вывел пальцем два иероглифа. При этом его губы шевельнулись, а голос прозвучал совсем прозрачно:

— Поможешь мне с покупкой?

Жочэня пробрал мороз. Этими иероглифами были:

ТРУП.

Он медленно поднял взгляд к зеркалу заднего вида и наткнулся на пару жутких, безжизненных глаз. Водитель, похоже, был слеп на один глаз: левая половина его лица казалась мертвой маской, веко неестественно провисало, открывая мутный белок с застывшим в центре синеватым зрачком.

От испуга юноша непроизвольно хлопнул соседа по руке. Гуань Инцзюнь болезненно зашипел.

— Сигареты! — быстро нашелся Жочэнь. — Опять ты за своё! Только и знаешь, что дымить!

Затем он бросил водителю:

— Шеф, на табачную фабрику, пожалуйста.

Темно-красное такси медленно тронулось, двигатель отозвался ритмичным утробным гулом. Ледяной взгляд из зеркала неотрывно следил за Жочэнем. Водитель подался вперед и включил радио. Сквозь треск помех прорвался резкий голос репортера:

— Господин Цзян Миншань, говорят, что Цзянь Жочэнь заставил вас признать, что он не ваш сын, прямо на помолвке Цзян Ханьюя и Лу Цяня. Это правда?

Послышался глухой, зловещий смех Миншаня:

— Чистая правда.

— Как вы думаете, зачем он это сделал?

— Видимо, я плохо составил завещание. Вот он и сговорился с полицией, чтобы навесить на меня все эти нелепые обвинения и надавить на меня, — в голосе преступника прозвучала странная, почти нежная нотка. — Знаете, мне всегда нравились такие жестокие дети. Он с самой школы был первым во всём. Раньше он был ко мне подчеркнуто почтителен, и я это ненавидел. Но то, что он выкинул сейчас... это выше всяких похвал. Если меня оправдают, я передам Цзянь Жочэню право на всё моё состояние. Именно он — моя истинная гордость. Жочэнь, папа будет тебя ждать.

Он пытался использовать всю семью Цзян как разменную монету в торгах за свою жизнь!

Треск помех на мгновение оборвался, и в темном салоне такси зазвучал голос Дэн Лицзюнь. Мелодичный, ускользящий голос наполнил машину:

— Я знаю, твои речи — один обман, ты бросил меня, забыв про жалость и стыд... Кто полюбит меня, кто полюбит меня, кто придет меня полюбить?..

Радио словно заело — песня замерла на последней строчке, повторяя её снова и снова в мертвой тишине такси. У Жочэня по спине пробежал холодок. Этот водитель его знал. Он намеренно подобрал их, намеренно заставил слушать предсмертные конвульсии Цзян Миншаня.

Но зачем?

<http://bllate.org/book/15833/1435654>